

Николай Паньков

К. Брандист

Университет Шеффилда

Первый раз я связался с Николаем ещё будучи студентом. Я тогда жил в Санкт-Петербурге и написал ему письмо с идеей публикации в «Диалог. Канавал. Хронотоп» некоторых материалов о Круге Бахтина. Несмотря на медлительность почты ответ Николая был очень любезным и ободряющим, и в нем не было обычной для ученых иерархичности. Я опубликовал некоторые свои ранние работы в журнале, который Николай основал и издавал в условиях экономической катастрофы того времени. В итоге я встретился с Николаем на Международной Бахтинской конференции в канадском городе Калгари в 1997 году. Выяснилось, что в жизни он совершенно такой же, как и в письмах.

Скромность и взвешенность Николая, его ориентация на фактический материал, давали ему возможность оставлять в стороне идеологические и личные дразги российской бахтинистики того времени. Споры вокруг так называемых «спорных текстов» порой были несдержанными, обескураживающе идеологизированными и иногда приводили к переходу на личности. Но Николай каким-то образом сохранял уважение представителей всех сторон. В то время как он соглашался на публикацию широкого спектра материалов, его собственные набеги в предметном поле всегда были подкреплены фактографией. Его публикация личного дела Волошинова из архива РАНИОН была, возможно, наиболее важным первичным документом в этой сфере, и Николай просто позволил фактам говорить самим. Прилежные и настойчивые архивные разыскания Николая существенно обогатили наше знание о той эпохе и расширили перспективу работ о Круге Бахтина. Когда он предоставлял место для публикации чужих архивных разысканий, это было не менее важным шагом и в итоге сделало журнал решающим ориентиром для тех, кто занимается этими проблемами, а не фетишистским чествованием одного исследователя (что было бы неплохо для исследователя меньшего масштаба).

Я приехал в Витебск на «Бахтинские чтения» незадолго до того, как Николай перебрался в Москву. Было видно, что он организует эти мероприятия в том же духе, что и в журнале: студенты и именитые исследователи включались в продуктивные дискуссии без тени пиетета или высокомерия. Я встретил там довольно много людей, которые оказали влияние на мою последующую работу, со многими мы стали друзьями. Однажды вечером Николай пригласил меня и ещё нескольких приезжих к себе на квартиру. Он проявил себя как щедрый хозяин, который наслаждался обсуждением

самых разных тем и поощрял других делать так же. К счастью, Николай несколько дней гостил у меня дома в Шеффилде, где быстро отыскал на книжных полках то, что увлечённо поглощал во время своего пребывания.

Мы с Николаем были на связи в течение многих лет и часто встречались, когда я приезжал в Москву. Так было до его тяжёлой болезни, которая очень затруднила для него и работу, и поддержание контактов с людьми. После паузы в два или три года мы с Микой Лахтеенмяки позвали Николая на ужин в ДомЖур на Новом Арбате в Москве. Мы оба были просто поражены теми физическими изменениями, которые с ним произошли, и я помню, один из нас сказал потом, что всё это выглядит так, будто у Николая отняли тридцать лет жизни. Тем не менее, я помню и тот интерес, с которым он смотрел на книги, которые у меня были с собой, я купил их в тот свой приезд. Было довольно печально видеть, что острый и пылкий ум заперт в почти истощённом теле.

Впечатляло то, что Николай хотя и менее интенсивно, но всё-таки продолжал работать, и именно его незаконченный труд над третьим томом Бахтинского «Собрания сочинений» сделал этот том таким ценным. Публикация поздней расширенной версии важной работы «Слово в романе», которую Николай обнаружил в ходе своих архивных разысканий, было очень важным дополнением к своду трудов Бахтина. Я был очень рад внести свой вклад в сборник к 55-летию Николая и увидеть имена, которые оказались там рядом с моим. Я подумал, что это было наиболее подходящим случаем поделиться фрагментом найденных в архиве документов, касающихся Волошинова.

Вклад Николая в бахтинистику был одновременно фундаментальным и скромным. То, чему он способствовал, было так же важно, как и то, что сделал он сам, но такие вещи обычно не привлекают достаточного внимания. К счастью, Николай оставил для нас достаточно, чтобы мы могли продолжать всем этим пользоваться.

Перевод с английского Б. В. Орехова